

Предстоящій Всероссійскій церковный Соборъ; его составъ и задачи ¹⁾.

„Святая“ Русь—нерѣдко называетъ народъ нашъ свою родину. „Православные“! обычно на мірскомъ сходѣ начинаютъ рѣчь свою русскій крестьянинъ. Въ этихъ названіяхъ очевидно выражается утвердившееся въ русскомъ народѣ сознаніе, что православная вѣра составляетъ существенную, коренную основу его народной жизни. Еще въ прежніе вѣка, наблюдавшіе Россію иностранцы, какъ Герберштейнъ и Олеарій, уже замѣтили, какъ „московиты хвалятся, что они одни только христіане, а западныхъ осуждаютъ какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ святыхъ установленій“ ²⁾; они говорятъ, „что они самыя лучшіе христіане, какіе только живутъ на свѣтѣ“ ³⁾. Посторонніе наблюдатели и въ настоящее время обыкновенно указываютъ на религіозность и благочестіе, какъ на характерную особенность русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, если судить по внѣшности, православная вѣра и народное благочестіе у насъ, на Руси, процвѣтаютъ. Всюду возвышаются и вновь созидаются, величественные храмы; внутри блестятъ они золотомъ и красуются художествомъ; гудятъ колокола, народъ тѣснится при торжественныхъ богослуженіяхъ; сіяютъ десятки хоругвей при крестныхъ ходахъ; каждое крупное дѣло, каждое общественное предпріятіе освящается молебствіемъ;

¹⁾ Публичное чтеніе отъ Союза 17-го октября, произнесенное 19-го марта въ залѣ художественно-литературнаго кружка.

²⁾ Записки о Москвитинѣ, перев. Анонимсва. Спб. 1866. Стр. 68.

³⁾ Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства. Перев Барсова. Москва. 1870. Стр. 303.

въ часовняхъ и особо-чтимыхъ святыхъ мѣстахъ—непрерывныя толпы богомольцевъ и многія сотни и тысячи неугасимыхъ свѣчъ и лампадъ; плотною стѣной обступаютъ народъ выходяшаго изъ церкви архіерея и цѣлый часъ готовъ простоять, чтобы только получить его благословеніе. Все это прекрасно и съ несомнѣнною свидѣтельствуется о неугасающей силѣ всенароднаго русскаго благочестія; но кто-же не знаетъ, что не въ одномъ этомъ дѣло. Не роскошна была горница Сіонская; тѣсенъ, мраченъ и душенъ былъ подземный храмъ катакомбы; но собиравшіеся тамъ на молитву вѣрующіе были, конечно, неизмѣримо выше насъ, какъ христіане. Не богатствомъ и разнообразіемъ внѣшнихъ формъ благочестія превосходили они насъ, а тѣмъ, что тогда, по свидѣтельству священнаго дѣеписателя, „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“ (Дѣян. IV, 32) „старались“ они, по апостолу, „сохранять единство духа въ союзѣ мира“ (Ефес. IV, 3), „единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа“ (Римл. XV, 6).—Нельзя, къ сожалѣнію, не сознаться, что вотъ эта-то внутренняя сила духовнаго единенія несомнѣнно оскудѣла въ нашей православной русской церкви, при всемъ ея видимомъ процвѣтаніи. Широко раскинулись географическіе предѣлы этой церкви и почти девяносто милліоновъ насчитываетъ она своихъ послѣдователей; но внутри этихъ широкихъ предѣловъ и цифръ дѣло обстоитъ не совсѣмъ благополучно, какъ на верхнихъ слояхъ общества, такъ и въ его основѣ. У такъ называемой интеллигенціи отношенія къ церкви имѣютъ далеко не дружественный характеръ. Мы не станемъ, конечно, говорить о тѣхъ, къ сожалѣнію не многочисленныхъ, представителяхъ русскаго образованнаго общества, которые давно отказались отъ всякой вѣры и не скрываютъ своихъ явно-атеистическихъ воззрѣній. Даже и тѣ просвѣщенные люди, которые исповѣдуютъ себя вѣрующими христіанами, часто никакъ не могутъ быть названы вѣрными чадами церкви православной. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ грустномъ явленіи, достаточно хотя-бы припомнить то, что говорилось на петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, или познакомиться съ тѣми журнальными и газетными статьями, которыя въ послѣднее время писались и пишутся по церковному вопросу.

По откровенному признанію самихъ представителей интеллигенціи, „неразрѣшимымъ противорѣчіемъ русской общественной жизни является съ одной стороны — священство Церкви и съ другой — представители свѣтской мысли и высшаго образованія. Эти силы разнo понимаютъ и природу челоуѣка и его конечное призваніе. Интеллигенція и церковь — суть двѣ противоположныя, ведущія и подвизающіяся въ учительствѣ силы; онѣ находятся между собою въ глубокомъ разладѣ. Пропастъ утвердилась между интеллигенціей и Церковью“ ¹⁾. Этотъ разладъ выражается въ томъ, что одни изъ интеллигентовъ относятся къ церковной жизни и ея вопросамъ съ голнѣйшимъ безучастіемъ, считая эту область совершенно для себя чуждой и не интересной. Одинъ изъ нихъ напр. говоря о разныхъ мнѣніяхъ по вопросу о церковной реформѣ, прямо заявляетъ, что онъ „къ этому дѣлу нисколько неприкосновенъ и нисколько, поэтому, не заинтересованъ исходомъ этого историческаго турнира“ ²⁾. А другой по тому-же поводу пишетъ: „по моему, отношеніе интеллигенціи къ этимъ событіямъ должно формулироваться словами: „какое намъ дѣло?!“ Ни горевать, ни радоваться намъ тутъ нечего“... „Не враждуя и не дружа, оставимъ въ покоѣ этотъ чуждый намъ міръ. Его радость не наша радость, его горе не наше горе, у насъ тамъ нѣтъ надеждъ и намъ тамъ нечего опасаться“ ³⁾. — Другіе представители интеллигенціи не такъ безучастны и, напротивъ, глубоко и искренно интересуются церковными вопросами; но тѣмъ не менѣе это нисколько не приближаетъ ихъ къ церкви. Они не признаютъ ее въ настоящемъ видѣ за истинную церковь Христову; историческое христіанство, по ихъ мнѣнію, представляется одностороннимъ; церковь исказила Евангеліе, извратила его духъ и смыслъ, а потому они мечтаютъ о другой церкви, о церкви „будущаго“, и ищутъ для себя новыхъ путей ⁴⁾. При этихъ исканіяхъ, говорятъ они, посред-

¹⁾ Записки религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ. Докладъ В. А. Тернавцева, стр. 5, 9 и 14.

²⁾ Новое время № 10,468, 26 апр. 1905 г. Статья мірянина: „Въ ожиданіи церковной реформы“.

³⁾ Новости № 80, 29 марта. Статья М. Энгельгардта „Чужая радость“.

⁴⁾ Церковный Вѣстникъ 1905 г. № 19. Статья „Церковь будущаго“; записки рел.-фил. собраній. Записка Д. В. Философова, стр. 40; — Заря № 259.

ство священника намъ не нужно ¹⁾, а куда заходятъ они безъ такого посредства, о томъ свидѣлствуютъ напр. прямые заявленія, что „интеллигенція не признаетъ Христа“ и „никогда не приметъ догмата о богочеловѣчествѣ Іисуса Христа“. Они заявляютъ, что „каждое десятилѣтіе подвигаетъ насъ къ новому состоянію умовъ, къ новымъ формамъ богопониманія, къ новой, совсѣмъ особенной, нравственности“, или что „русскаго человѣка можетъ прельстить.... полное освобожденіе всякаго живущаго на русской землѣ отъ церкви и кошмара „христіанскаго государства“ ²⁾.—Гдѣ же причина такого разлада, такого или безучастнаго или отрицательнаго отношенія къ церкви? „Мы“, говорятъ они,—„мы, люди современной культуры, никакой вѣры не имѣемъ, ничего кромѣ проснувшейся жажды вѣры“. „Мы—не вѣрующіе, но... томимые смертельной жаждой Бога и любви“ ³⁾. „Теперь, больше, чѣмъ когда-либо, сердце русской интеллигенціи готово раскрыться на призывъ къ вѣрѣ во Христа Спасителя и, увѣровавъ, возродиться“ ⁴⁾... И при всемъ томъ, несмотря на такія признанія, эта интеллигенція отъ церкви уклоняется и глуха къ ея призывамъ. Уклоняется потому, что „христіанство историческое“, говорятъ, „не удовлетворяетъ свѣтски-образованныхъ людей нашего времени, не вмѣщаетъ въ себя ихъ запросы“. Интеллигенція обратится лишь тогда, когда церковь станетъ давать ей отвѣтъ на ея запросы ⁵⁾.

Главная опора, главная сила нашей церкви, конечно, въ многомилліонной массѣ того народа, который всегда такъ славился своею неизмѣнною преданностію вѣрѣ православной. Однако нельзя сказать, чтобы и здѣсь за послѣднее время положеніе церкви было цвѣтущимъ. Давній ея соперникъ въ народѣ—старообрядческій расколъ, несмотря на

статья: „По поводу предполагаемой реформы высшаго церковнаго управления“.

¹⁾ Записки рел.-фил. собраній, стр. 23. Слова В. С. Миролубова.

²⁾ Записки рел.-фил. собраній стр. 30. Слова Д. С. Мережковского и Г. Тарновскаго.—Новое время № 10,459, 17-го апрѣля, статья М. Меньшикова: „письма къ ближнимъ. Величавые пережитки“.—Заря № 270, 11 апрѣля. Письмо въ редакцію свящ. Пестрякова, ссылка на Новости.

³⁾ Записки рел.-фил. собраній. стр. 26 и 27.

⁴⁾ Ibidem., стр. 19. Докладъ В. А. Тернавцева.

⁵⁾ Ibidem., стр. 35 и 15. Слова А. В. Карташева и В. А. Тернавцева.

усиленное распространѣніе народнаго просвѣщенія, несмотря на дѣятельность специально-созданнаго института епархіальныхъ миссіонеровъ, несмотря ни на какія собесѣдованія, повидимому, ни мало не ослабѣваетъ, но твердо отстаиваетъ свое существованіе, ясно тѣмъ показывая свою внутреннюю силу и жизненность. А наряду съ расколомъ растетъ еще и ширится сектантство въ его разнообразныхъ проявленіяхъ, въ особенности штунда, которая не защищается только, но нападаетъ на церковь, отторгая у нея ея послѣдователей и съ каждымъ годомъ принимая все болѣе и болѣе опасные размѣры. Здѣсь, въ сектантствѣ, не невѣріе, не слабость вѣры; но, напротивъ, вѣра сильная, живая, нерѣдко пламенная, готовая на всякія жертвы и страданія, доходящая до самосожженія и до погребенія себя за-живо, лишь бы остаться вѣрно своимъ убѣжденіямъ. И все-таки эта вѣра уклоняется отъ церкви и ищетъ себѣ какихъ-то новыхъ, нерѣдко дикихъ, путей. Почему такъ? Почему-же и простой русскій чловѣкъ, искренно религіозный, покидаетъ вѣру отцовъ своихъ, бросаетъ родной свой храмъ и уходитъ въ какую нибудь штунду? Безъ сомнѣнія потому, что и онъ, подобно русскому интеллигенту, также не находитъ въ церкви полного удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, яснаго отвѣта на свои запросы. Его отпаденіе обыкновенно и начинается всегда съ недовольства существующимъ строемъ жизни церкви, съ критики ея вѣрованій, ея обрядовъ и порядковъ. И въ средѣ интеллигенціи и среди народа не мало такимъ образомъ людей, которые жадно ищутъ удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, отвѣтовъ на свои запросы; но въ церкви ихъ не находятъ, а потому бросаются въ разныя стороны и блуждаютъ по ложнымъ путямъ. И призывный звонъ колоколовъ, и священныя пѣснопѣнія православныхъ храмовъ остаются для нихъ пустымъ звукомъ, который не находитъ себѣ родственнаго отклика въ ихъ мнущейся душѣ.—А что-же церковь? Вѣдь твердо и неизмѣнно хранить она вѣками преданную ей святую истину Христова ученія. Вѣдь не оскудѣло въ ней апостольское преемство іерархіи. Вѣдь не изсякъ въ ней живой источникъ божественной благодати, преподаваемой въ святыхъ таинствахъ. Почему же такъ слабо, такъ безсильно въ настоящемъ случаѣ ея вліяніе?

Первохристіанская община сильна была тѣмъ, что въ ней „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“. Апостолы настойчиво внушали вѣрующимъ, чтобы, они болѣе всего были „единодушны и единомысленны“ (Фил. II, 2), ибо въ единеніи—сила всякаго человѣческаго общества, которое не можетъ устоять, раздѣлившись на ся, и тѣмъ болѣе такого общества, какъ церковь, которая представляетъ собою союзъ, утверждающійся исключительно на духовно-нравственныхъ связяхъ. Современная церковь наша потому и обнаруживаетъ нѣкоторую слабость, что распаталась, а иногда и совсѣмъ утратилась, среди ея членовъ эта внутренняя сила нравственнаго единенія.

Ослабѣла связь между паствой и ея пастырями. Что такое современный русскій епископъ? Это—прежде всего и больше всего, конечно, священнослужитель, т. е. совершитель торжественныхъ богослуженій; а затѣмъ—сановникъ и администраторъ. Пастырская сторона его дѣятельности совершенно заслоняется и отбѣсняется на задній планъ его дѣятельностію какъ администратора. И это совсѣмъ не потому, что онъ самъ желаетъ быть такимъ; нѣтъ, онъ поставленъ въ такое положеніе, что даже и при всемъ своемъ желаніи не можетъ быть инымъ. Онъ не знаетъ въ должной степени и не имѣетъ возможности знать свою паству. Его епархія обыкновенно тянется на многія сотни верстъ съ миллионнымъ населеніемъ, и, пребывая въ своемъ престольномъ городѣ, онъ въ уѣздные города и селенія попадаетъ лишь случайно и изрѣдка по какимъ-либо особеннымъ поводамъ церковныхъ торжествъ. Правда, онъ совершаетъ поѣздки по епархіи; но, какъ извѣстно, при этомъ его посѣщенія по необходимости бываютъ слишкомъ кратковременны и поверхностны, чтобы можно было при нихъ епископу приобрѣсти надлежащее знакомство съ паствой. Даже и такія посѣщенія требуютъ очень много времени, такъ что нужно нѣсколько лѣтъ епископу совершать свои поѣздки, чтобы побывать во всѣхъ мѣстахъ своей епархіи. При частыхъ же переходахъ епископовъ съ одной епархіи на другую не удивительно, если многіе изъ нихъ никогда и не успѣваютъ совершить свой полный объѣздъ. Намъ лично пришлось узнать, что одно село, недалекое отъ престольнаго города и почти вплоть соединенное съ нимъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, нѣ-

сколько десятковъ лѣтъ не видывало у себя никакого архіерея. Даже и въ своемъ престольномъ городѣ епископъ развѣ знаетъ близко свою паству? Громадное большинство ея онъ видитъ лишь въ качествѣ благочестивой толпы, которая наполняетъ храмъ, при его богослуженіяхъ, или тѣснится къ нему за благословеніемъ. Въ непосредственное общеніе, въ бесѣду, ему приходится вступать только съ немногими отдѣльными личностями, встрѣчаясь съ ними на какихъ-либо собраніяхъ, или у себя на дѣловыхъ приѣмахъ. Такія свиданія въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничиваются нѣсколькими минутами или получасомъ времени и не выходятъ за предѣлы гостинныхъ или дѣловыхъ разговоровъ. Для душевныхъ пастырскихъ бесѣдъ мало представляется поводовъ, мало удобства и времени, такъ что о духовной жизни паствы своей, о ея нуждахъ и запросахъ, епископъ узнаетъ лишь по бумажнымъ „дѣламъ“ да официальнымъ отчетамъ.—Бумажныхъ-же дѣлъ и вообще административныхъ заботъ у него великое множество. Цѣлый рядъ разнаго рода учреждений и органовъ управленія стоитъ подъ его руководствомъ и наблюденіемъ: семинарія, нѣсколько духовныхъ училищъ, епархіальное женское училище, консисторія, училищный совѣтъ и нѣсколько его уѣздныхъ отдѣленій, свѣчной заводъ, эмеритальная касса, епархіальное попечительство, разныя братства благотворительныя или просвѣтительныя, монастыри, благочинныя и пр. и пр. Отовсюду шлютъ ему журналы, доклады, вѣдомости, отчеты, а выѣстъ съ тѣмъ и множесто прошеній отъ частныхъ лицъ. Все это епископъ долженъ прочесть, рассмотреть и на все дать свое рѣшеніе или утвержденіе. Какъ-то одинъ епископъ говорилъ намъ, что къ нему лично поступаетъ ежегодно болѣе 8,000 бумагъ, а въ консисторіяхъ ихъ бываетъ и до 20 и до 30 тысячъ. Такимъ образомъ каждый день епископу приходится рассмотреть нѣсколько десятковъ, а иногда чуть не до сотни бумагъ и эта бумажная груда совсѣмъ заслоняетъ отъ него живую жизнь его паствы, отнимаетъ у него время и силы и парализуетъ его гораздо болѣе плодотворную пастырскую дѣятельность. Въ результатъ — епископъ является не столько пастыремъ, сколько правителемъ. По видимости, онъ пользуется высокимъ, благоговѣйнымъ почитеніемъ; но стоитъ на какомъ-то, мало доступномъ для на-

рода пьедесталѣ и нѣтъ у него съ паствою живого общенія, тѣснаго духовно-нравственнаго единенія.

Что касается священника, то его положеніе безъ сомнѣнія представляетъ гораздо болѣе удобствъ для успѣшной пастырской дѣятельности. При незначительныхъ размѣрахъ прихода священникъ имѣетъ, конечно, полную возможность видѣть и знать жизнь своихъ пасомыхъ, вступать съ ними въ близкое духовное общеніе, быть для нихъ руководителемъ и наставникомъ. Но, къ сожалѣнію, и у него сила пастырскаго вліянія значительно подрывается тѣми неблагопріятными условіями, въ которыя онъ поставленъ. Въ свой приходъ онъ является со стороны, по назначенію далекой епархіальной власти, иногда даже прямо вопреки желанію прихожанъ и во всякомъ случаѣ челоуѣкомъ совсѣмъ для прихода чужимъ и незнакомымъ, а потому долженъ съ самаго начала создавать себѣ положеніе, завоевывать нравственный авторитетъ. Между тѣмъ его пастырская дѣятельность до крайности стѣснена безчисленнымъ множествомъ всякихъ указовъ и предписаній, которые точно опредѣляютъ каждый его шагъ и связываютъ его по рукамъ и ногамъ. Надъ нимъ стоитъ всегда бдительное, подѣ-часъ довольно своеправное начальство въ лицѣ благочиннаго, консисторіи и архіерея, при чемъ за всякое уклоненіе отъ многочисленныхъ предписаній мелочной регламентаціи, за малѣйшее свободное и необычное обнаруженіе живого пастырскаго духа, ему угрожаетъ строгое внушеніе, а иногда и тяжелая кара. Большое количество труда, времени и силъ у священника, въ ущербъ его прямому пастырскому долгу, тратится благодаря тому, что его превратили въ чиновника и навязали ему громадную канцелярскую работу. На его отвѣтственности лежитъ болѣе 30-ти разнаго рода записей, книгъ, книжекъ, вѣдомостей, росписей, свѣдѣній, выписокъ и свидѣтельствъ, значительное количество которыхъ обязательно пишется въ двухъ и даже въ трехъ экземплярахъ и затѣмъ представляется или посылается то въ консисторію, то въ земскую управу, то въ полицію, то въ воинское присутствіе, то въ статистическій комитетъ. Опутавшая священника канцелярщина совсѣмъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ задачамъ пастырскаго служенія, внося въ него совершенно не церковный духъ мертвящаго фформализма; но всего хуже еще то,

что на того-же священника стали иногда возлагать обязанности чисто полицейскаго свойства, внушая ему безусловно поддерживать и защищать существующій государственный порядокъ, наблюдать за опасными для него лицами и явлениями и доводить о нихъ до свѣдѣнія гражданской власти, что, конечно, глубоко подрываетъ нравственный авторитетъ пастыря церкви, вынуждая пасомыхъ смотрѣть на него какъ на казеннаго чиновника, съ которымъ не мѣшаетъ быть осторожнѣе. Прибавьте ко всему этому еще тотъ унижительный способъ матеріальнаго обезпеченія, который заставляетъ иногда священника вести съ прихожаниномъ печальный торгъ при совершеніи священнодѣйствій, ставитъ его въ полную зависимость отъ благосклонности пасомыхъ, и конечно, связываетъ и парализуетъ его свободное пастырское слово. Въ приходахъ большихъ и столичныхъ городовъ это пастырское слово бываетъ иногда безсильнымъ и потому, что священникъ, воспитанный въ своеобразной, кастовой духовной школѣ, оказывается не настолько знакомымъ съ современными теченіями мысли и условіями общественной жизни, чтобы быть въ состояніи дать надлежащій отвѣтъ на религіозно-нравственные запросы тѣхъ, которые къ нему обращаются. Все это въ совокупности создало какую-то преграду между духовенствомъ и другими классами общества, взаимное непониманіе, и никакъ уже нельзя сказать, что у нихъ „одно сердце и одна душа“.—Общество смотритъ теперь на церковь, на духовенство, какъ на какое-то особое вѣдомство, находящееся подъ покровительствомъ, подъ опекой и на службѣ государства; къ церковнымъ дѣламъ общество относится, какъ къ чему-то совсѣмъ для него постороннему. И не удивительно! Воцарившійся въ нашей церкви бюрократической строй совершенно устранилъ общество отъ всякаго участія въ дѣлахъ церковныхъ, а между тѣмъ такое устраненіе можетъ имѣть, и несомнѣнно имѣетъ, для церкви роковое значеніе. Съ раннихъ лѣтъ насъ учили и мы знаемъ и вѣруемъ, что церковь есть собраніе вѣрующихъ, есть общество людей, соединенныхъ между собою единствомъ вѣры во Христа и общеніемъ въ таинствахъ, подъ видимымъ управленіемъ пастырей. Всякое общество живетъ именно общою жизнію: эта жизнь проявляется въ совмѣстныхъ усиліяхъ, въ объединенной дѣятельности всѣхъ членовъ для достиже-

нія единой, общей всѣмъ, цѣли. Каждый отдѣльный членъ потому и настолько дорожитъ своимъ обществомъ, насколько оно даетъ ему возможность и просторъ развивать свои индивидуальныя силы и прилагать ихъ къ совмѣстной съ другими дѣятельности для достиженія общей цѣли. Видимъ-ли мы такую жизнь въ нашей современной церкви? Къ сожалѣнію, она ни въ чемъ не проявляется. Каждому отдѣльному человѣку предоставляется жить только своею личною, внутреннею религіозною жизнью, какъ будто онъ совсѣмъ не членъ церкви, какъ общества. Съ своими собратіями онъ сходится только за общественной молитвой въ своемъ приходскомъ храмѣ, но и здѣсь не принимаетъ онъ никакого дѣятельнаго участія, оставаясь при богослуженіи лишь безмолвнымъ свидѣтелемъ. Приходъ, какъ община, теперь есть звукъ пустой. Всякіе приходскіе вопросы и возбуждаются и разрѣшаются указами синода, предписаніями архіерея, консисторіи и благочиннаго, а текущія дѣла прихода вѣдаетъ лишь священникъ съ причтомъ да староста. Приходскую общину никто не собираетъ, ни о чемъ ее не спрашиваютъ и ея настроеніемъ, ея религіозно-правственными запросами, повидимому, никто не интересуется. Объ епархіальной или всероссійской церковной жизни нечего и говорить; никакихъ органовъ для ея проявленія не существуетъ и ни въ чемъ она не обнаруживается. Наша церковь не есть общество въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ самостоятельнаго, объединеннаго и организованнаго цѣлаго. Въ ней организована лишь та малая часть, которая учитъ и управляетъ. Все-же остальное представляетъ собою не общество, а скорѣе просто толпу, которая при желаніи ходитъ молиться въ православные храмы, исправляетъ такъ называемыя требы, иногда наизидается съ церковной каѳедры и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по предписаніямъ государственнаго закона, подчиняется управленію духовныхъ лицъ; но все это она дѣлаетъ безъ всякаго дѣятельнаго съ своей стороны интереса и участія. При такомъ положеніи дѣла понятно, что русскій мірянинъ часто смѣшиваетъ церковь съ іерархіей, а на эту іерархію и на церковныя дѣла смотритъ, какъ на нѣчто для себя постороннее. Въ немъ настолько заглохло церковное сознаніе, что даже въ приходскомъ храмѣ онъ чувствуетъ себя, по словамъ Розанова, не въ своемъ мѣстѣ, чуждымъ и не нуж-

нымъ, какимъ-то гостемъ, посѣтителемъ ¹⁾. Вотъ почему онъ такъ равнодушенъ къ церкви и даже уклоняется отъ нея. „Церковь, говорятъ, похолодѣла. Изъ холоднаго дома всѣ бѣгутъ. Гдѣ-то теплѣе?— Въ сектахъ! Туда и бѣгутъ“ ²⁾!—

Въ печати нерѣдко повторяются въ послѣднее время извѣстные слова Достоевскаго, что „русская церковь въ параличѣ“. Намъ думается, что это выраженіе слишкомъ сильно и слишкомъ мрачно. Сказать, что русская церковь въ параличѣ, значитъ отрицать въ ней всякое движеніе въ настоящемъ и почти всякую возможность исцѣленія въ будущемъ. Отнюдь не соглашаясь съ такимъ ужаснымъ приговоромъ, мы припомнимъ лучше слова Соловьева, что русская церковь только „задремала подѣ сѣнью казенной опеки“ и вопросъ лишь въ томъ: „какъ пробудить, чѣмъ всколыхнуть эту дремлющую силу“ ³⁾. Силъ въ нашей церкви много. Есть у нея іерархія и служители церкви, въ средѣ которыхъ не мало людей, сіяющихъ дарами благодати, твердостію, чистотою и глубиною вѣры, самоотверженною ревностію служенія. Есть у нея люди религіознаго знанія, богословской науки, которые трудятся надъ разъясненіемъ и распространеніемъ истины христіанскаго ученія. Такихъ людей мы знаемъ не только въ духовной школѣ, но и среди просвѣщенныхъ представителей свѣтскаго общества. (Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковъ, Соловьевъ, Кирѣевъ). Есть у нея подвижники благочестія, труженники молитвы, которыхъ мы видимъ не въ монастырскихъ только келліяхъ, но и повсюду, на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Есть у нея писатели и художники, которые стараются проводить возвышенныя идеи христіанскаго ученія въ произведеніяхъ изящной литературы и искусства. Есть у нея дѣятели практическіе, которые трудятся надъ осуществленіемъ высокихъ христіанскихъ принциповъ въ жизни общественной путемъ благотворительности или улучшенія нравовъ. Есть у нея, наконецъ, вѣра народная, часто не достаточно просвѣщенная и даже иногда слѣ-

¹⁾ Ibidem., стр. 52.

²⁾ Новое время № 10,453-й, 11 апрѣля. Статья В. Розанова: „Государство и церковь во взаимной автономіи“.

³⁾ Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева т. IV стр. 181. Спб. изд. товарищ. „Общественная Польза“.

пая, но глубокая и искренняя. Не о параличѣ свидѣтельствуютъ, конечно, эти силы; но онѣ разрознены, иногда, по недоразумѣнію, даже сталкиваются между собою и не видимы мы общей, объединенной церковной жизни. Потому церковь, какъ цѣлое, дѣйствительно дремлетъ, потому и выступаетъ насущный вопросъ: „какъ пробудить, чѣмъ всколыхнуть эту дремлющую силу?“

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ самъ собою. Если главная наша бѣда состоитъ въ разъединеніи силъ церкви, то, конечно, прежде и важнѣе всего уничтожить это разъединеніе и постараться устроить жизнь церкви такъ, чтобы она была дѣйствительно обществомъ, союзомъ, всѣ члены котораго живутъ въ тѣсномъ единеніи, одушевляются общимъ интересомъ, чтобы соединенными усиліями, нося тяготы другъ друга, исполнить законъ Христовъ, достигнуть возможнаго для человѣка совершенства и наслѣдовать спасеніе. Что же? Пригласить какихъ нибудь специалистовъ, чтобы они придумали и указали намъ наилучшій строй церковной жизни, который обезпечилъ-бы ей единство и силу? Нѣтъ. Сочиненные уставы и для обычныхъ человѣческихъ обществъ часто оказываются непригодными; церковь-же есть учрежденіе божественное, утвержденное, какъ говоритъ Св. Ап. Павелъ, „на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самого Іисуса Христа“. (Еф. II, 20). Не сочинять для нея новыя уставы должны мы, а лишь уяснить себѣ со всею полнотою и точностію тѣ вѣчныя, основныя начала, которыя для нея установлены ея Божественнымъ Главою, и у Св. Апостоловъ и ихъ ближайшихъ послѣдователей поучиться тому, какъ примѣнять и проводить эти начала въ жизни.

Слово Божіе изображаетъ намъ церковь, какъ „тѣло Христово“. (Ефес. I, 22—23; Колос. I, 24). „Тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло... Не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны.... Но Богъ соразмѣрилъ тѣло..., дабы не было въ немъ раздѣленія, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“. (1 Кор. XII, 12, 21, 24—26). „И вы“, говоритъ апо-

столь, „тѣло Христово, а порознь члены.... Всѣ мы крестились и всѣ напоены однимъ Духомъ.... Всѣ мы одно тѣло и одинъ духъ, какъ и призваны къ одной надеждѣ нашего званія... Каждому же изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова... Однихъ Богъ поставилъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями. Къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова; доколѣ всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова.... Все тѣло,.. при дѣйствіи въ свою мѣру cadaго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви“. (1 Кор. XII, 27, 13; Еф. IV, 4, 7, 11—13, 16). Итакъ, по слову Божію, церковь есть тѣсно сплоченное цѣлое, члены котораго живутъ и дѣйствуютъ во взаимномъ единеніи и Самъ Христосъ Спаситель молился о вѣрующихъ въ Него „да будутъ всѣ едино“ (Іоан. XVII 21). Такое представленіе о церкви непреложно сохраняется и живетъ въ христіанскомъ сознаніи съ самыхъ первыхъ вѣковъ и доселѣ. Свидѣтельствуютъ о немъ древніе отцы и учителя церкви. „Прошу васъ“, пишетъ Св. Игнатій Богоносецъ, „старайтесь все исполнять въ единомысліи Божіемъ..., ничего не дѣлайте безъ епископовъ и пресвитеровъ; и не думайте, чтобы что-либо, совершаемое вами отдѣльно, могло быть правильно; въ общемъ собраніи должна быть у васъ одна молитва, одно прошеніе; одна мысль, одна надежда, въ любви и непорочной радости“ ¹⁾. „Соединяясь узами одной и той-же вѣры, одной и той-же нравственности“, говоритъ Тертулліанъ, „мы составляемъ, такъ сказать, одно тѣло“ ²⁾. По мысли св. Амвросія Медиоланскаго, „церковь есть общее право всѣхъ; сообща она молится; сообща она работает; сообща испытывается“. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „тѣло церкви питается при взаимной связи членовъ“ ³⁾. То, что высказывали отцы и учителя древности, неизмѣнно исповѣдуетъ и современная православная Церковь, когда напр. въ окружномъ посланіи 1848 года говорится: „что хранитель

¹⁾ Посланіе къ Магнезіанамъ § 3, 6, 7.—Филаретъ, истор. уч. объ отцахъ.

²⁾ Творенія Тертулліана, пер. Карнеева I, стр. 80. Спб. 1849.

³⁾ Бесѣды къ Антиохійскому народу, II, 511. Изд. 1848 г.

благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ“ ¹⁾).

Какъ-же проводилась въ жизнь, въ какихъ формахъ проявлялась эта идея соборности церкви, въ смыслѣ совокупнаго дѣйствія всѣхъ ея членовъ для достиженія единой, общей всѣмъ цѣли?

Раскройте книгу Дѣяній Св. Апостоловъ и она дастъ вамъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Пока первохристіанская община представляла собою лишь маленькій кружокъ вѣрующихъ, пока въ ней было, по свидѣтельству дѣеписателя, только около ста двадцати человекъ, всѣ они единодушно пребывали вмѣстѣ. (Дѣян. I, 16, 14; II, 1). Когда къ нимъ присоединилось около трехъ тысячъ, они все-таки постоянно пребывали въ общеніи; всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. (Дѣян. II, 41—42, 44. 46). Даже когда около пяти тысячъ еще увѣровали, у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее; (Дѣян. IV, 4; 32) всѣ они пребывали единодушно, хотя собираться на молитву приходилось уже въ притворѣ Соломоновомъ. (Дѣян. V, 12). Но такъ какъ, по свидѣтельству дѣеписателя, вѣрующихъ болѣе и болѣе присоединялось къ Господу, множество мужей и женъ (Дѣян. V, 14), то, конечно, этому множеству уже не было возможности пребывать въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи между собою, а потому при возникновеніи какихъ-либо вопросовъ, касавшихся всей общины, апостолы стали созывать особые нарочитыя собранія. Когда напр. возникли нѣкоторыя неудовольствія по поводу ежедневной раздачи потребностей вдовицамъ, апостолы нарочито созвали множество учениковъ и предложили имъ избрать изъ своей среды на это дѣло семь діаконъ, что и было исполнено. (Дѣян. VI, 1—5). Но слово Божіе, говоритъ дѣеписатель, расло и число учениковъ весьма умножалось во Іерусалимѣ, а затѣмъ слово Господне распространялось по всей странѣ. (Дѣян. VI, 7; XIII, 49). Когда такимъ образомъ вѣрующіе стали считаться многими тысячами и рас-

¹⁾ Окружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. § 17. Пер. съ греческаго, Спб. 1859 г. стр. 37.

пространились по всѣмъ концамъ страны, стало невозможнымъ, созывать ихъ всѣхъ хотя-бы только иногда на общія собранія. Какъ-же при такихъ условіяхъ поддерживалось въ церковной жизни желанное единеніе? А вотъ тому примѣръ. Среди вѣрующихъ въ Антиохіи возникло разногласіе по вопросу объ обязательности для христіанъ исполненія Моисеева закона. Тогда они послали къ апостоламъ въ Іерусалимъ Павла и Варнаву и нѣкоторыхъ другихъ. Апостолы созвали собраніе и при участіи присланныхъ изъ Антиохіи лицъ рассмотрѣли и обсудили вопросъ, послѣ чего, изложивъ соборное рѣшеніе въ посланіи, отправили его въ Антиохію чрезъ тѣхъ-же антиохійскихъ посланныхъ и своихъ уполномоченныхъ. Отправленные пришли въ Антиохію, и, собравъ людей, вручили письмо. (Дѣян. XV). Этотъ примѣръ показываетъ, что когда, по многочисленности вѣрующихъ и дальности разстоянія, утратилась для нихъ возможность принимать всѣмъ непосредственное участіе въ общецерковномъ собраніи, отдаленная община присылала своихъ представителей, которые принимали участіе въ обсужденіи вопроса, а затѣмъ состоявшееся рѣшеніе и словесно и письменно сообщалось по назначенію. Такимъ образомъ малая первохристіанская община вся въ совокупности сходилась на свои собранія, а получивъ широкіе размѣры стала принимать участіе въ обсужденіи возникавшихъ вопросовъ, посылая на общецерковныя собранія своихъ представителей. Вотъ образецъ, начертанный намъ апостольской исторіей,—образецъ того, какимъ путемъ, въ какихъ внѣшнихъ формахъ церковной жизни, первохристіанская община исполняла Божественный завѣтъ „да будутъ всѣ едино“, старалась „сохранять единство духа въ союзѣ мира“.

Послѣ періода апостольскаго, исторія первыхъ христіанскихъ вѣковъ, какъ ни скудна сохранившимися до насъ памятниками, ясно однако-же свидѣтельствуетъ о томъ, что церковная жизнь въ то время неуклонно слѣдовала тому образцу, который былъ для нея начертанъ примѣромъ апостоловъ. Какъ скоро возникали въ той или другой помѣстной церкви какіе-либо вопросы относительно вѣроученія или церковной практики, собирались соборы, которые разматривали эти вопросы и постановляли по нимъ свои рѣшенія. Во 2-мъ вѣкѣ, по свидѣтельству церковной исторіи Евсевія,

„вѣрующіе часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собирались“ ¹⁾ для изслѣдованія и осужденія ереси Монтана. Достоверно извѣстны намъ соборы Іерапольскій и Анхіальскій, а также до семи соборовъ, собиравшихся по вопросу о времени празднованія Пасхи въ разныхъ концахъ міра и въ Іерусалимѣ и въ Римѣ и въ Галліи ²⁾. Въ 3-мъ вѣкѣ мы знаемъ напр. нѣсколько соборовъ противъ ереси Павла Самосатскаго въ церкви Антиохійской, а также нѣсколько соборовъ въ Африкѣ по вопросу о падшихъ и о крещеніи еретиковъ ³⁾. Взаимная связь между отдѣльными помѣстными церквами старательно сохранялась и поддерживалась посредствомъ частыхъ сношеній. Церкви обращались одна къ другой съ посланіями, въ которыхъ или просили одна у другой совѣта по поводу какихъ-либо недоумѣнныхъ вопросовъ, или предлагали свои наставленія, или сообщали о состоявшихся у нихъ соборахъ и постановленныхъ на нихъ рѣшеніяхъ, или извѣщали о совершившемся у нихъ избраніи епископа и вообще о чемъ-либо имѣющемъ важное значеніе въ церковной жизни. Такихъ посланій не мало сохранилось какъ въ подлинникѣ, такъ и въ свидѣтельствахъ, каковы напр: посланія епископовъ римскихъ: Климента, Сотира, Виктора, Корнилія, Стефана, Діонисія, а также Игнатія Антиохійскаго, Поликарпа Смирнскаго, Діонисія Коринѣскаго, Діонисія Александрійскаго и др. А затѣмъ, когда возникали вопросы, касавшіеся всей христіанской церкви, стали собираться, кромѣ помѣстныхъ, и соборы вселенскіе. Такимъ образомъ, какъ ни широко распространилась церковь Христова, она свято слѣдовала образцу, начертанному для нея апостолами, жила общею жизнію и старательно поддерживала связь своихъ отдѣльныхъ членовъ.

То-ли мы видимъ въ современной жизни нашей отечественной церкви? Можно-ли назвать ее соборною? Живетъ-ли въ ней единою, тѣсно-сплоченною жизнію малая церковная община прихода?—Нѣтъ, ничего подобнаго мы не видимъ. Собираются-ли соборы по епархіямъ?—Нѣтъ. Тамъ есть лишь епархіальные сѣзды, состоящіе только изъ де-

¹⁾ Eusebii, Historia ecclesiastica, lib V, c. 16, 19 Ed. Schwartz-Mommsen.

²⁾ Hefele. Conciliengeschichte I, 81—83.

³⁾ Euseb. VII, 28 1; 30, 2.

путатовъ духовенства или благочинныхъ, разсуждающіе только о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, да и то далеко не часто и далеко не вездѣ созываемые. Существуетъ-ли какая-либо связь, какія-либо сношенія между епархіями?—Никакихъ. Видали-ли мы Всероссійскіе помѣстные Соборы?—Нѣтъ, у насъ только синодъ, узкая коллегія, а никакъ не соборъ. Вотъ это-то основное, утраченное нами начало церковной жизни, начало соборности, нужно возстановить и послѣдовательно провести снизу до верху, чтобы наша церковь жила тою жизнію, которая ей свойственна по ея существу. Очевидно, это реформа громадная. Нужно существенно перестроить весь настоящій строй нашей церковной жизни, начиная съ самой ея основы, съ прихода, и оканчивая вершиной—синодомъ. Кто-же, какая власть можетъ и имѣетъ право взять на себя это великое дѣло?

Серьезные ученые люди, глубоко религіозные и искренно преданные заботамъ о благѣ церкви говорятъ, что только сама церковь, во всей совокупности своей, имѣетъ власть производить реформу своей внутренней жизни и только такому совокупному голосу всей церкви долженъ подчиняться каждый изъ ея отдѣльныхъ членовъ. Органомъ, посредствомъ котораго выражается этотъ общій голосъ церкви, служить соборъ. Вотъ этотъ-то соборъ и долженъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы исцѣлить тѣ язвы, отъ которыхъ страдаетъ современная церковь, устранить вѣками скопившіеся въ ней недостатки и злоупотребленія и возвратить ее къ истинному, древне-христіанскому строю жизни ¹⁾. Можетъ быть, Вы думаете, что я привелъ Вамъ слова современныхъ нашихъ русскихъ ученыхъ и вѣрующихъ людей? Нѣтъ,—эти рѣчи раздавались пятьсотъ лѣтъ тому назадъ и болѣе чѣмъ за двѣ тысячи верстъ отъ насъ. Они раздавались изъ устъ всѣмъ намъ хорошо извѣстныхъ Жерсона, Д'Аллы, Клеманжи; раздавались въ эпоху такъ называемыхъ реформаторскихъ соборовъ, когда западная церковь, изнемогая подъ бременемъ вѣковыхъ недостатковъ и злоупотребленій, вопіяла о настоятельной необходимости „ре-

¹⁾ Holzhausen. Der Protestantismus nach seiner geschichtlichen Entstehung, Begründung und Fortbildung. Leipz. 1846. Band. 1, s. 101, 102, 106, 110, 113.

формы во главѣ и членахъ“ и когда ей указывали на соборъ, какъ на единственное средство спасенія. И вотъ, эти старыя рѣчи повсемѣстно повторяются теперь и у насъ, какъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ, такъ и на устахъ у всѣхъ, ясно тѣмъ показывая, что въ нихъ такая несомнѣнная истина, которая всегда и вездѣ имѣетъ примѣненіе. Но неужели-же, скажутъ на это,—неужели намъ слѣдовать тому примѣру, который привелъ западную церковь къ распаденію и завершился расколомъ реформаціи? Уроки исторіи всегда назидательны, а въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ ничего такого, что могло-бы насъ пугать и отталкивать. Не реформаторскіе соборы привели къ расколу протестантизма, а упорство папской іерархіи, которая отнюдь не желала прислушиваться къ всенародному голосу христіанскаго запада. Пусть и теперь для насъ это послужитъ урокомъ. Хорошія-же рѣчи, раздававшіяся пять вѣковъ тому назадъ, потому мы и слышимъ теперь у насъ повсюду, что это рѣчи вполне православныя, утверждающіяся на глубокомъ изслѣдованіи ученій и каноновъ церкви вселенской. Какъ древняя христіанская церковь видѣла для себя высшій авторитетъ въ соборѣ и къ нему прибѣгала для рѣшенія всякихъ важныхъ вопросовъ и дѣлъ; какъ западная церковь XV-го вѣка въ соборѣ думала найти выходъ изъ своего удрученнаго положенія; такъ и мы теперь, съ грустію взирая на современный упадокъ нашей церковной жизни, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ собора и на него возлагаемъ всѣ свои надежды.

О еслибы мы не обманулись въ своихъ надеждахъ! Для ихъ осуществленія необходимо, чтобы этотъ предстоящій, такъ горячо желаемый соборъ дѣйствительно получилъ у насъ всеобщее признаніе и твердый непререкаемый авторитетъ. Вѣдь одного лишь факта созванія собора еще далеко не достаточно. Бывали иногда соборы блестящіе по своему составу, грандіозные по задачамъ, но ничтожные и печальные по своимъ послѣдствіямъ. Припомнимъ напр. соборъ Флорентійскій: и востокъ и западъ сошлись на немъ, вселенскимъ его наименовали, торжественнымъ гимномъ соединеніе церквей на немъ провозгласили; но что-же вышло въ концѣ концовъ? Православный народъ, и въ Константинополь, и на всемъ востокѣ, и въ Россіи, съ негодованіемъ отвергъ его опредѣленія и соборъ этотъ ни во что-же вмѣ-

нися. Что, если вдругъ и съ нашимъ предстоящимъ соборомъ, избави Богъ, случится то-же? Не только блага не дастъ онъ намъ, но, напротивъ, станетъ источникомъ новыхъ великихъ бѣдствій для церкви; не объединить и не оживить онъ нашу церковную жизнь, а создать только еще большій разладъ, еще горшую смуту. Нужно потому приложить всѣ возможныя старанія, чтобы заранѣе предотвратить подобную бѣду; нужно устроить нашъ предстоящій соборъ такъ, чтобы онъ обязательно получилъ всеобщее признаніе и непререкаемый авторитетъ. Эта цѣль можетъ быть достигнута, мнѣ думается, прежде всего лишь въ томъ случаѣ, если соборъ будетъ составленъ на твердыхъ каноническихъ основаніяхъ, въ полномъ согласіи съ свидѣтельствами Слова Божія и христіанской древности и не будетъ съ этой стороны доступенъ какимъ либо возраженіямъ. Такой соборъ долженъ быть всенароднымъ, т. е. не одна лишь коллегія епископовъ должна засѣдать на немъ, но и клиръ и міряне.

Вопросъ о составѣ собора давно уже служить предметомъ специальныхъ изслѣдованій; собрано и тщательно истолковано множество относящихся къ этому вопросу фактовъ и свидѣтельствъ, а потому я не имѣю, конечно, возможности предлагать теперь Вашему вниманію весь этотъ обширный научный матеріалъ. Ограничусь немногими примѣрами, имѣющими, на мой взглядъ, наибольшую убѣдительность.

Фактъ несомнѣннаго участія клира и мірянъ въ соборныхъ засѣданіяхъ можно признать доказаннымъ. На апостольскомъ соборѣ въ обсужденіи вопроса принимали участіе не одни лишь Апостолы, но и „пресвитеры со всею церковію“ и самое рѣшеніе, постановленное соборомъ, было написано въ посланіи отъ имени „Апостоловъ и пресвитеровъ и братіи“. (Дѣян. XV, 22—23).—Во 2-мъ вѣкѣ, на соборахъ противъ ереси Монтана „часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собирались“ не епископы только, но „вѣрующіе“ вообще. Св. Приней Лионскій пишетъ соборныя, посланія „отъ лица галльскихъ парикій“ и „подчиненныхъ ему братіи“ ¹⁾; значить въ Лионскомъ соборѣ участвовали и общины. Тертуллианъ о соборахъ въ Греціи пишетъ, что они служатъ „представи-

¹⁾ Euseb. V, 23, 3: 24, 11.

тельствомъ всего имени христiанскаго“ ¹⁾ Оригенъ, на соборѣ въ Бострѣ Аравiйской (ок. 244 г.), будучи пресвитеромъ, обличаетъ еретика-епископа Берилла, въ присутствiи его паствы ²⁾. Св. Киприанъ пишетъ, что по дѣлу о падшихъ въ соборѣ должны принять участiе „епископы, пресвитеры, діаконы, исповѣдники и устоявшіе въ вѣрѣ міряне“ ³⁾. Именно такой соборъ дѣйствительно и состоялся. Въ актахъ Карѣагенскаго собора 256 г. по вопросу о перекрещиванiи еретиковъ говорится, что „епископы сошлись во едино въ Карѣагенъ вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами, въ присутствiи также огромной части народа“ ⁴⁾. На римскомъ соборѣ по поводу Новаціанскаго раскола присутствовало, по свидѣтельству еп. Корнилія, „несмѣтное множество народа“ ⁵⁾. На соборѣ Эльвирскомъ (306 г.), по свидѣтельству дѣяній этого собора, были и епископы, и пресвитеры, и діаконы, и великое множество народа ⁶⁾. Участiе клира и мірянъ ясно засвидѣтельствовано и на соборахъ Вселенскихъ. На соборѣ Никейскомъ 1-мъ напр., по свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго, „пресвитеровъ, діаконовъ, чтецовъ и многихъ другихъ невозможно было исчислить“ ⁷⁾. На этомъ соборѣ діаконъ Аѳанасій и простой старецъ мірянинъ принимаютъ ревностное участiе въ преціяхъ. На соборѣ Халкидонскомъ присутствовали императоръ и множество сановниковъ и низшихъ чиновниковъ. Дѣянія и другихъ Вселенскихъ соборовъ показываютъ, что на засѣданiяхъ присутствовали не одни епископы; но и клиръ, и монахи, и сановники и другіе міряне. Такимъ образомъ фактъ присутствiя и участiя клира и мірянъ въ соборныхъ совѣщанiяхъ не подлежитъ сомнѣнію; но если такъ, то какой-же смыслъ имѣютъ каноническія правила, которыя, начиная съ 37-го апостольскаго и продолжая цѣлымъ рядомъ правилъ Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, всѣ единогласно говорятъ только о соборахъ епи-

¹⁾ De jejunio cap. 13.

²⁾ Euseb. VI, 33, 3.

³⁾ Epist. 30, с. 5.

⁴⁾ Mansi t. I, p. 951.

⁵⁾ Cypriani Epist. 49, 2; Euseb. VI, 43, 6.

⁶⁾ Mansi t. II, col. 5.

⁷⁾ Евсевія Памфила. Жизнь бл. царя Константина. III, 8. Рус. перев. Спб. 1850 г. стр. 172.

скоповъ, безъ малѣйшаго упоминанія объ участіи въ нихъ клира и мірянъ? (I, 5; II, 6; IV, 9, 17, 19; VI, 8; VII, 6; Ант. 19, 20; Корс. 27). Чтобы уяснить себѣ истинный смыслъ этихъ правилъ, стоитъ лишь припомнить слова Св. Ап. Павла, гдѣ онъ сравниваетъ церковь съ человѣческимъ тѣломъ. Развивая это сравненіе, онъ очень ясно говоритъ, что въ церкви, какъ и въ тѣлѣ человѣческомъ, каждый членъ имѣетъ „дѣйствіе въ свою мѣру“. (Ефес. IV, 16). Привлекая всѣхъ своихъ членовъ, и епископовъ, и клиръ и мірянъ, къ совокупной дѣятельности на соборныхъ совѣщаніяхъ церковь не придаетъ однако всѣмъ имъ одинаковаго значенія. Клеръ и міряне участвуютъ въ соборѣ, но не на равныхъ условіяхъ съ епископами, которые одни лишь обладаютъ, каждый въ отдѣльности, правомъ рѣшающаго голоса, а потому, когда каноническія правила говорятъ только о соборахъ епископовъ, они не исключаютъ участія клира и мірянъ, но выражаютъ только ту мысль, что полноправными членами собора признаются одни епископы. Эта мысль подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что правила и историческіе памятники, упоминая напр: о Вселенскихъ соборахъ, нерѣдко обозначаютъ ихъ числомъ присутствовавшихъ на нихъ епископовъ: соборъ Никейскій именуется соборомъ 318-ти, Константинопольскій—ста пятидесяти, Ефесскій—200-тъ, Халкидонскій—630-ти, хотя число всѣхъ бывшихъ на этихъ соборахъ было гораздо бѣльшимъ. Акты соборовъ подписываются также епископами, какъ полноправными членами, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ ними присутствовало великое множество клира и мірянъ. (Ник. Еф. Халк.). Разность положенія на соборѣ тѣхъ и другихъ ясно выражается напр. въ подписи подъ актами Константинопольскаго собора 448 г. Епископы писали: „*ὁρίσας ἐπέγραψα*“—„опредѣливъ, подписалъ“, а архимандритъ: просто „*ἐπέγραψα*“—„подписалъ“ ¹⁾. Въ соборныхъ актахъ можно встрѣтить иногда прямыя и ясныя указанія на то, что опредѣленія постановлялись только епископами. На Кареагенскомъ соборѣ 256 г. напр. присутствовали „пресвитеры, діаконы и огромная часть народа“, но св. Кипріанъ обращается съ словомъ только къ любезнѣйшимъ сотоварищамъ (*collegae*),

¹⁾ Mansi t. VI, p. 752.

т. е. епископамъ, и только ихъ мнѣнія затѣмъ поименно перечисляются въ актахъ ¹⁾. На соборѣ Эльвирскомъ (306 г.) засѣдали также пресвитеры, предстояли діаконы и множество народа; но рѣшеніе постановляли епископы ²⁾.—Судя по этимъ даннымъ, можно, повидимому, придти къ тому заключенію, что клиръ и міряне только присутствуютъ на соборѣ, могутъ принимать участіе въ его совѣщаніяхъ и помогать ему въ уясненіи поставленныхъ вопросовъ, но голосъ ихъ только совѣщательный и отнестись къ ихъ мнѣнію такъ или иначе, постановить рѣшеніе въ ту или другую сторону, зависитъ исключительно отъ полноправныхъ членовъ собора, т. е. епископовъ.—Есть однако нѣкоторыя другія данныя, которыя не даютъ намъ возможности признать за клиромъ и мірянами на соборѣ голосъ только совѣщательный. Въ описаніи апостольскаго собора мы читаемъ, что „Апостолы и пресвитеры со всею церковію разсудили“. Ихъ постановленіе послано было отъ имени не однихъ Апостоловъ, но „и пресвитеровъ и братіи“ и отъ всей ихъ совокупности въ посланіи говорилось „мы, собравшись, единодушно разсудили“; „угодно Свят. Духу и намъ“. Эти выраженія не даютъ, конечно, точнаго юридическаго опредѣленія того значенія, какое имѣлъ голосъ пресвитеровъ и братіи при постановкѣ соборнаго рѣшенія; но они съ достаточною ясностію показываютъ, что во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ здѣсь не о простомъ лишь присутствіи и совѣщаніи. Нѣсколько болѣе точныя указанія по этому вопросу можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ 4-го и 3-го вѣка. Св. Аѳанасій Александрійскій напр., говоря о жалобѣ на него, утверждаетъ, что „по церковнымъ правиламъ и по слову Павлову—собравшемуся народу“ и епископамъ... „надлежало законно все изслѣдовать“... „въ присутствіи изъявляющихъ свое требованіе мірянъ и клириковъ“ ³⁾. Такимъ образомъ, законный церковный порядокъ, очевидно, требовалъ, чтобы соборное изслѣдованіе жалобы на епископа происходило при собраніи народа, при чемъ міряне и клирики изъявляли свое требованіе. Такое „тре-

¹⁾ Mansi t. I. p. 951.

²⁾ Mansi t. II, c. 5; Hefele I, 149.

³⁾ Творенія ч. I стр. 178. Перев. Моск. Д. Ак. Москва 1851.

бование“ не есть уже только участіе въ совѣщаніи.—Изъ свидѣтельства Кипріяна можно видѣть, что голосъ неполноправныхъ членовъ на соборѣ имѣлъ такое важное значеніе, что епископы должны были серьезно съ нимъ считаться. „О дѣлѣ падшихъ“, гов. Кипріянь, „нужно разсудить, составивъ общій совѣтъ съ епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и устоявшими въ вѣрѣ мірянами... Не можетъ быть твердымъ то опредѣленіе, о которомъ будетъ извѣстно, что на него не было согласія большинства“ ¹⁾. Это согласіе народнаго большинства на епископское рѣшеніе собора выражалось иногда даже въ формѣ прямого голосованія. О римскомъ соборѣ по поводу новаціанскаго раскола Корнилій пишетъ: „мы, (т. е. епископы) согласно съ голосованіемъ несмѣтнаго множества народа, простили кающихся“ ²⁾. Сопоставляя эти данныя съ тѣмъ рѣшающимъ значеніемъ, какое въ древней церкви придавалось голосу клира и народа при соборныхъ избраніяхъ и поставленіяхъ епископовъ ³⁾, мы приходимъ къ заключенію, что вообще на соборѣ личнымъ правомъ рѣшающаго голоса обладали только епископы, но всей совокупности присутствовавшаго клира и народа предоставлялся голосъ коллективный и притомъ не совѣщательный только, но рѣшающій, къ которому епископы должны были прислушиваться и съ нимъ считаться, ибо безъ народнаго согласія и ихъ собственное опредѣленіе, по словамъ Кипріяна, не можетъ быть твердымъ.—Таковъ, мнѣ думается, долженъ быть и нашъ предстоящій Всероссійскій соборъ; онъ долженъ быть соборомъ епископовъ, но съ допущеніемъ въ широкихъ размѣрахъ участія клира и народа и съ предоставленіемъ имъ коллективнаго рѣшающаго голоса. Только такой соборъ будетъ имѣть твердый каноническій авторитетъ и потому встрѣтитъ всеобщее признаніе.

На этотъ соборъ мы возлагаемъ всѣ свои надежды; мы жаждемъ, что онъ твердою рукою возьмется за великое дѣло обновленія нашей церковной жизни, объединить и оживить ея разрозненныя и дремлющія силы, а потому онъ

¹⁾ Сург. epist 30, с. 5.

²⁾ Сург. epist. 49, 2.

³⁾ См. напр. Льва Вел., ер. 84, с. 5, а также обстоятельства избранія Мартина Турскаго. Bingham, The Antiquities of the Christian Church vol I, в. IV, ch. 2, sec. 4. p. 134. London 1870.

встрѣтить наше всеобщее признаніе, мы единодушно преклонимся предъ его авторитетомъ лишь тогда, когда онъ съ честію выполнитъ свою задачу и дастъ достойный отвѣтъ нашимъ всеобщимъ пламеннымъ желаніямъ. Такихъ желаній, насущныхъ, настойчивыхъ, наболѣвшихъ вопросовъ у насъ накопилось не мало. Прежде всего и больше всего мы ждемъ, что властный разумъ собора укажетъ и осуществитъ такія мѣры, которыя могутъ обновить и оживить нашу церковную жизнь, избавятъ ее отъ поработченія чуждымъ началамъ, освободятъ отъ опутывающихъ ее узъ бюрократизма, пробудятъ и возстановятъ въ ней духъ единенія и соборности съ возможно-болѣе широкимъ примѣненіемъ выборнаго начала. А затѣмъ еще цѣлый рядъ вопросовъ ждетъ своего разрѣшенія. Вопросъ напр. о клятвахъ 67 года, отъ разъясненія котораго м. б. зависить судьба милліоновъ, отпавшихъ отъ церкви людей. Вопросъ о дѣйствительности или недѣйствительности Австрійской Бѣлокриницкой іерархіи. Вопросъ о сближеніи съ церковію Англиканскою. Вопросъ старокатолическій, при чемъ въ тѣсной связи съ этими вопросами стоятъ существенно-важные вопросы о томъ, что нужно разумѣть теперь подъ церковію Вселенскою и гдѣ положить границу между догматомъ и богословскимъ мнѣніемъ. Вопросъ о болгарской схизмѣ, о способѣ принятія въ православіе римскихъ католиковъ и вообще объ установленіи надлежащаго единства и связи русской церкви съ другими православными церквами. Вопросъ объ упорядоченіи нашего богослуженія, чтобы сдѣлать его наиболѣе цѣлесообразнымъ, понятнымъ и назидательнымъ. Вопросъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Вопросъ о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ. Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Вопросъ объ условіяхъ развода и т. д. и т. д. Сколько-же времени долженъ засѣдать нашъ соборъ и какими необычайными силами долженъ обладать онъ, чтобы разрѣшить все это вѣками накоплявшееся великое множество вопросовъ? Было-бы, мнѣ думается, большою и опасною ошибкой, если-бы онъ сразу взялся за разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ. Многіе изъ этихъ вопросовъ настолько сложны и существенны, что требуютъ серьезной предварительной разработки, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. вопросъ о богослуженіи, въ настоящее время нашей наукой и литературой

почти и не затронуты. При настоящихъ условіяхъ большинство членовъ будущаго собора явится не настолько освѣдомленнымъ во всѣхъ этихъ вопросахъ, чтобы произносить по нимъ свое окончательное рѣшеніе, и неизбѣжно подчинится вліянію тѣхъ предначертаній, которыя будутъ выработаны засѣдающей теперь предсоборной комиссіей. При всемъ глубокомъ уваженіи къ почтенному составу этой комиссіи, мы никакъ не можемъ признать ея рѣшеній голосомъ церкви. Всѣ назрѣвшіе вопросы, какъ имѣющіе общецерковное значеніе, должны подвергнуться предварительной разработкѣ не въ комиссіяхъ только, какъ-бы ни былъ авторитетенъ ихъ составъ; но, по обнародованіи трудовъ этихъ комиссій, должны стать предметомъ публичнаго обсужденія въ печати и затѣмъ по всѣмъ епархіямъ на сѣздахъ или другихъ какихъ-либо всенародно-церковныхъ собраніяхъ. Только послѣ такого обсужденія каждаго вопроса члены будущаго собора явятся истинными выразителями общецерковнаго сознанія и рѣшенія собора получаютъ непререкаемый авторитетъ. Само собою разумѣется, что совершить такую подготовку всѣхъ поставленныхъ вопросовъ къ предстоящей осени, когда предполагается созваніе собора, нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему мы думаемъ, что нашему первому Всероссійскому собору слѣдуетъ ограничить свою задачу.

Ближайшая и самая существенная цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы пробудить и обновить нашу церковную жизнь, а потому пусть онъ будетъ собраніемъ, такъ сказать, учредительнымъ. Пусть онъ, не отвлекаясь никакими другими вопросами, сосредоточитъ всѣ свои силы и все свое вниманіе на томъ, чтобы прежде всего устроить внутреннюю жизнь церкви, воплотивъ въ ней идею соборности съ возможно-болѣе широкимъ примѣненіемъ выборнаго начала на всѣхъ ступеняхъ. Осуществленія одной этой задачи было-бы вполне достаточно для нашего перваго Всероссійскаго собора. Развѣ мало силъ и труда потребуется для всесторонняго каноническаго, историческаго и практическаго разрѣшенія вопросовъ: объ устройствѣ церковнаго прихода, объ участіи мірянъ въ приходской жизни, о правахъ прихода, о приходскихъ собраніяхъ, объ отношеніяхъ между пастыремъ и паствою, объ избраніи членовъ причта и выборныхъ пред-

ставителей приходской общины, о размѣрахъ епархій, о постановкѣ епархіальнаго управленія, объ епархіальныхъ собраніяхъ, о церковныхъ округахъ, объ окружныхъ соборахъ, объ избраніи епископовъ, о правахъ и дѣятельности митрополитовъ, о высшемъ церковномъ управленіи, объ организаціи синода, о власти патріарха, о помѣстномъ соборѣ, о срокѣ и порядкѣ его созванія, о его составѣ и дѣятельности. Неужели всѣхъ этихъ вопросовъ недостаточно, чтобы при серьезной всесторонней ихъ разработкѣ заполнить всю соборную сессію? Дай Богъ только съ ними справиться; а, между тѣмъ, ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, уклонившись отъ разрѣшенія сразу всѣхъ поставленныхъ вопросовъ, соборъ избѣгнетъ опасности повредить своему авторитету торопливыми, а потому, быть можетъ, недостаточно полно освѣщенными и обоснованными рѣшеніями.

Ограниченіе задачи нашего перваго собора въ указанномъ направленіи нисколько не означаетъ того, что большинство назрѣвшихъ вопросовъ откладывается въ долгій ящикъ. Если предстоящій соборъ съ честію и успѣхомъ выполнитъ свою первую и важнѣйшую задачу, обновитъ нашу церковную жизнь на широкихъ основахъ соборнаго и выборнаго начала, то уже тѣмъ самымъ вполне будетъ обезпечено немедленное разрѣшеніе и всѣхъ другихъ церковныхъ вопросовъ. Въ обновленномъ строѣ церковной жизни Всероссійскій церковный соборъ будетъ постояннымъ, періодически-повторяющимся собраніемъ, на которомъ будутъ ставиться и разрѣшаться всѣ важные церковные вопросы, по мѣрѣ ихъ обстоятельной предварительной разработки. И такое рѣшеніе вопросовъ на соборахъ послѣдующихъ будетъ имѣть тѣмъ большій авторитетъ, что эти соборы, организованные при условіяхъ обновленной церковной жизни, будутъ истиннымъ выраженіемъ, несомнѣннымъ голосомъ Всероссійскаго общецерковнаго сознанія.

В. Соколовъ.
